

PJ 30712

9.3

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

на ЮЖНОМ
ФРОНТЕ

1169.

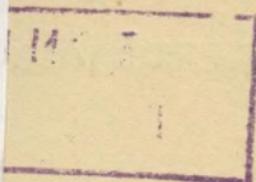
P30712

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА

1942

11

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

30

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА
1942

М—69

Б 8

Редактор В. Казин

А 50269

Подписана к печати 6 июня 1942 г.

Колич. печ. листов 2.

Авторских листов 2,47.

Колич. печ. зн. в листе 38976

Тираж 10000 экз. Цена 1 р. 25 коп.

Тип. „Красный печатник“ гос. изд-ва „Искусство“.
Москва, ул. 25 Октября, д. 5. Зак. 650

НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

Н. Кружкову

Есть у меня хорошие друзья,
Боевой дружбой с ними связан я.
Мы вместе испытали дождь и зной,
Накрытые палаткою одной.

Как много было солнечных лучей,
Простреленных снарядами ночей,
Как много минометного огня
В теченье ночи и в теченье дня.

Как мы лежали возле переправ
Под бомбовозами, к родной земле прилав,
Как мы проскакивали на грузовиках
Под артогнем, от смерти в двух шагах,

Встречались мы на марше и в бою,
У тлеющей станицы на краю,
Встречались на минуту и на час,
И, может, иногда в последний раз.

Я у тебя, товарищ генерал,
В землянке перед боем ночевал.
И у тебя, приятель, был в гостях,
В твоих прославленных на всю страну частях,

Я видел в обстановке боевой
Тебя, мой друг, газетчик фронтовой,
Тебя, полковник, и тебя, майор,
Донбассовский воинственный шахтер.

Сейчас весна, последний тает снег,
И селезни кричат в разливах рек.
Ведут ожесточенные бои
Товарищи, приятели мои
На Южном фронте.

Товарищи мои! Я вижу вас,
От немца очищающих Донбасс,
Я слышу вас в гуденьи истребков
Гвардейских истребительных полков
И в шелесте захваченных знамен
Чужих разбитых танковых колонн.

И на каком бы фронте ни был я,
Со мною рядом вы, мои друзья,
На Южном фронте!

МЫ СТАЛИ КРЕПЧЕ

Мы стали крепче и взрослей,
К самим себе честней и строже
И на обстрелянных людей
Не только выпряткой похожи.

Мы научились понимать
События, не так, как прежде.
Мы видели седую мать,
Суровую в своей надежде.

Мы брали на руки сирот
В сожженном немцами селеньи,
И слово русское «вперед»
Нас поднимало в наступленье.

За год войны мы стали злей,
Друзьям верней, нежнее к женам,
На много верст, на много дней
От нас войною отдаленным.

Быть может, потому сейчас
Сердцами ненависть владеет.
Немеет враг при виде нас,
При встречах с нами холдеет.

СТАЛИН

Раскрыл боец армейскую газету.
На первый лист упал полоской свет.
И вот — указ Верховного Совета
И над указом — сталинский портрет.

Был тот боещ простым рабочим малым
Из города Ростова-на-Дону.
До сей поры в сраженьях не бывал он,
И первый раз увидел он войну.

И Сталина не видел он ни разу,
Но знал о нем, как знает весь народ,
По песням, по делам и по рассказам,
В которых образ Сталина живет.

Былых боев боец тот не изведал,
Но, плоть от плоти сын своей страны.
Он знал, что Сталин — это есть Победа
На всех фронтах: труда, борьбы, войны.

Ночную мглу прорезал взлет ракеты,
И первый взвод пошел в свой первый бой.
Газетный лист со сталинским портретом
Красноармеец уносил с собой.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Здесь, на войне, мы рады каждой строчке
И каждой весточке из милых нам краев.
Дошедших писем мятые листочки
Нам дороги особо в дни боев.

Они хранят тепло родного дома,
Сопутствуя бойцу в его борьбе.

О, чувство зависти! Как нам оно знакомо,
Когда письмо приходит не тебе.

Любимая жена моя, Наташа!
От вас известий не было давно,
И наконец — письмо. Родное, ваше!
Как много радости мне принесло оно.

О, письма из дому! Мы носим их с собою,
Они напоминают нам в бою:
Будь беспощаднее с врагом на поле боя,
Чтоб враг не истребил твою семью!

Мы были в городе. Как грозный знак
проклятья,
Труп женщины лежал на мостовой.

Растерзанное ситцевое платье,
Застывшая рука над головой.

И я подумал: как же быть такому?
Быть может, кто-нибудь, как я, таких же лет,
Ждет от жены письма, письма из дома
От этой женщины. А писем нет и нет...

Мы были в городе развалин и воронок,
Разграбленного немцами жилья.

Я видел мальчика. Лет четырех ребенок.
Он был убит. И сына вспомнил я.

И я подумал: как же быть такому?
Быть может, кто-нибудь на фронте ждет
сейчас

Каракуль детских — весточки из дома
И детский незатейливый рассказ...

Мой верный друг, товарищ мой надежный!
Мы на войне. Идет жестокий бой
За каждый дом, за каждый столб дорожный,
За то, чтоб мы увиделись с тобой!

КРАСНОАРМЕЕЦ ПЕТРОВ

Белой сирени
Большую корзину
Бережно вынесли
Из магазина.

Веткой душистой
Людей задевая,
Сняли корзину
С площадки трамвая.

В двери войдя,
Пронесли по палате,
На пол поставили
Возле кровати.

Утром сказали,
Что будет здоров
Красноармеец
Товарищ Петров.

Утром в контору
Советской больницы
Первая почта
Приходит с границы.

Пишут колхозники
И пограничники,
Пишут из школы
Ребята-отличники:

«Принял в атаке
Удар штыковой
Нашей заставы
Боец рядовой.

Он умирал,
Отдавая отчизне
Все до последней кровинки,
До жизни.

Будет ли раненый
Снова здоров
Красноармеец
Товарищ Петров?»

«Будет! —
Хирург отвечает уверенно. —
Мы восстановим,
Что было потеряно.

Мы на дежурстве
И ночью и днем,
Мы его родине нашей
Вернем.

Всем передайте:
Будет здоров
Красноармеец
Товарищ Петров».

Праздник сегодня
В советской больнице.
Всюду цветы
И веселые лица.

Это колхозники
И пограничники,
Это из школы
Ребята-отличники.

Двери навстречу
Гостям открываются —
В этой палате
Боец поправляется.

Письма диктует —
Несколько слов:
«Жив и здоров.
Пограничник Петров».

МАРУСЯ

Рассказ раненого

Да, десять дней я здесь лежу.
С врачом веду войну..
Хотите, я вам расскажу
Про девушку одну?

Марусю знали все в полку.
Сама — из дальних мест.
Большая сумка на боку,
На сумке красный крест.

Дочь машиниста. Сирота.
Девчине — двадцать лет.
А как спевала! Красота!
Ну, голосистей нет!

Затянет песню — все поют,
Становятся кружком.
Полк в наступленьи. Полк в бою.
Маруся — за полком.

«Сестренка! — крикнешь ей. — Пригнись!
Снаряд над головой!»
Она ответит: «Отвяжись!»
И дальше, в самый бой.

И пробивается вперед
Под грохот батарей.
Боец на землю упадет —
Она к нему скорей.

И перевязает под огнем,
Как брата своего,
И позаботится о нем,
И вынесет его.

Тот день на берегу Днепра
Был жарок и суров.
И пушки барабанили с утра
Из поднятых стволов.

Фашист проклятый лез и лез.
Через pontонный мост
Молодчики полка «СС»
Шагали спящим в рост.

Мы не пускали их вперед,
И пьяный строй редел.
Мой друг, станковый пулемет,
Не раз уже кипел.

В огне за Родину свою
Рождались храбрецы,

И, презирай смерть в бою,
За жизнь дрались бойцы.

Я ранен был. Не повезло!
Вдруг чую: горячо.
Сначала будто обожгло,
Потом смотрю: плечо.

И вдруг — Маруся тут как тут,
Откуда ни возьмись.
И достает из сумки жгут:
«Ну, говорит, держись!»

Но только за рукав взяла,
Как охнула едва,
И покачнулась, и легла.
Смотрю: еще жива...

Я полз — не помню, где и как,
А мысль в мозгу одна:
Марусю нашу ранил враг!
Маруся жить должна!..

Ну, вот и все. Весь мой рассказ
О девушке одной.
Кто я по званию? Сейчас
Я рядовой больной.

А где Маруся? На войне.
Ушла. Не удержать.
Вот почему обидно мне
Здесь дольше всех лежать!

РАЗГОВОР С МАЙОРОМ

Он вытирает пот со лба
И говорит, седой от пыли:
«Да, в эту ночь была стрельба!
Да, крепко немца мы побили!

Нас окружить пытался враг,
Но ведь и мы не лыком шиты!
Как затянули их в овраг,
Так и не выбрались, бандиты.

А кто остался от полка,
Тот — руки кверху. Эх, вояки!
Боятся русского штыка,
Не любят штыковой атаки!

Мои бойцы, как на подбор,
Все казаки. Все больше с Дона.
К примеру — Лапушкин Егор,
Боец второго эскадрона.

Он так рубил своим клинком,
Что только головы летели.
А я-то с рубкою знаком
И разбираюсь в этом деле!

А есть такие молодцы,
Что и в седле-то меньше году,
Но в бой идут, как храбрецы,
Скажи — пойдут в огонь и в воду.

Нам не забыть политрука
Петра Денисича Рябкова.
Он — знамя нашего полка,
Не скажешь ничего другого!

Когда бойцы из-под огня
Героя вытащили тело,
В глазах не только у меня
От лишней влаги помутнело.

Вот расспросить бы вам о нем —
Его в полку у нас любили.
А вы бы уж в стихах потом
Рассказ бойцов изобразили! —

И поднялся майор с пенька
И отряхнул полы шинели...
А в синем небе облака
Все так же плыли и летели.

СВЯЗИСТ

30.9.12
Фашистской пули слышен свист
Над самой головой.
Ползет с катушкою связист
И тянет провод свой.

В его руках живая нить.
Вперед, за шагом шаг!
Он должен связь восстановить —
Ее попортил враг.

Молчит в землянке телефон,
Не знает штаб полка,
Что вышел первый батальон
На правый фланг врага.

Не может «Дон» сказать «Москве»
Про сделанный прорыв.
Связист-боец, в кустах, в траве
Скорей найди обрыв!

2 На Южном фронте

В туман и в мрак, ночной порой,
И в ливень, и в пургу
Связист-боец, связист-герой
Ползет назло врагу.

Он под огнем обрыв найдет,
Соединит концы:
Командный пункт ответа ждет,
Приказа ждут бойцы.

Пускай снарядов слышен свист
Над самой головой,
Ползет уверенно связист
С задачей боевой.

Он презирает смерть свою
Как воин, как боец.
А храбрых не разит в бою
Ни штык и ни свинец!

СОВЕТСКИЕ БОМБАРДИРОВЩИКИ

Посвящается боевым летчикам
части майора Кузнецова.

В лучах заходящего солнца,
Гудя над землей, как шмели,
Плынут, в облаках исчезая,
Воздушные те корабли.

И с курса они не сбываются,
И к цели они долетят.
Радисты-стрелки неустанно
За воздухом синим следят.

Пшеница внизу колосится,
Пылят по дорогам стада.
Как тонкие ниточки, вьются
Идущие в тыл поезда.

Девятка летит над садами,
В пути не встречая преград.
Тяжелые авиабомбы
Под крыльями в люках висят.

Плынут они, крылья раскинув,
Теченьем воздушной струи.
И дети им смотрят вдогонку,
И матери шепчут: «Свои!»

Свои самолеты! И людям
Становится сразу легко.
Свои! Это значит — родные
Заплавский, Демидов, Янко.

В планшете на штурманской карте
Отмечена эта река,
Вот здесь у врагов переправа,
Сюда они гонят войска.

Саперы наводят понтоны,
Форсируют реку полки,
Вползают германские танки
На берег советской реки.

Вперед же, к намеченной цели!
Уже переправа видна,
Уже разделилась девятка
На три боевых звена.

Во имя родимого края,
Во имя погибших бойцов,

На цель в боевом развороте
Заходит майор Кузнецов.

По цели! По цели! По цели!
И кони встают на дыбы.
И там, где взрываются бомбы,
Растут водяные столбы.

По цели! И вновь закипает
Вода у крутых берегов —
То Кравченко, сталинский сокол,
Как смерч, налетел на врагов.

Бросаются в воду фашисты,
Но только спастись не легко,
Когда над водой пролетают
Заплавский, Демидов, Янко.

В лучах заходящего солнца,
Гудя над землей, как шмели,
Свои корабли боевые
Герои домой привели.

Летели они над садами,
От мест, где гремели бои,
И люди внизу говорили:
«Летят самолеты! Свои!»

ОРЛЫ

Посвящается бесстрашным летчикам
части майора Микрюкова.

Их называют «ночниками»,
Бесстрастных к солнечным лучам.
Под звездами и облаками
Они взлетают по ночам.

Взяв смертоносный груз металла
И уходя в ночную муть,
Слойкий воин у штурвала
Ведет машину в дальний путь.

Во тьме ночной гудят моторы,
И штурман на своем посту,
И светят штурману приборы,
Показывая высоту.

И слышит враг в далеком гуле
Расплату за свои дела,
И он трассирующей пулей
Встречает нашего орла.

Пронзают огненные нитки
Чужой тревожный небосвод,
И глухо тявкают зенитки,
Ища советский самолет.

А он летает и кружится,
И режут воздух два крыла,
И тонна бомб с небес ложится
На нефтяные промысла.

И снова круг над целью новой,
Зениток вражеских пальба;
Затягивает дым багровый
Пороховые погреба...

И, возвращаясь до рассвета
С пробитым пулею крылом,
«Ночник» зеленою ракетой
Приветствует аэродром.

ИСТРЕБИТЕЛЬ

Это кто на первой койке,
Утомленный боем, спит?
Это спит военный летчик,
Сбивший пятый «Мессершмитт»!

Он сегодня под Москвою
Показал в ночном бою
Ловкость, мужество и волю
Соколиную свою.

Он врага достойно встретил —
Сбил с полуночных небес
На застывший и притихший,
Подмосковный снежный лес.

Это был по счету пятый,
Сбитый в схватке боевой,
Пятый ворон, черный ворон,
Погоревший под Москвой.

Не шумите в общежитии.
Пусть, как дома, в тишине
Русский летчик-истребитель
Улыбается во сне.

Пусть проспит еще немнога,
Ну хотя бы полчаса.
Он проснется, выйдет в поле,
Поглядит на небеса,

Боевой приказ получит,
Руку технику пожмет
И шестого «Мессершмитта»
После пятого сбьет.

„ВСЕ В ПОРЯДКЕ“

(Рассказ авиатехника)

Я родился в станице, на Дону,
У теплых скирд накошенного хлеба,
И с детства полюбил я вышину
Родного и безоблачного неба.

Я жил и рос, как все в моих летах —
Я голубей гонял, следя за их полетом,
Но с каждым днем все ближе был в мечтах
К стремительным военным самолетам.

Нет, не манил меня великий перелет,
И не завидовал я летчикам-героям,
Я все хотел потрогать самолет
И посмотреть, как он внутри устроен.

Я в восемнадцать лет покинул дом.
Всплакнула мать и проводила сына.
И стал мне домом мой аэродром,
Дороже всех — любимая машина.

Она испытана. И не в одном бою.
Она проверена. И не в одном сраженьи.

Она летит — я сразу узнаю
Ее по одному ее движенью.
И если возвращается звено,
Знакомый гул я слышу ближе, ближе...
И думаю: а вдруг не суждено?
А вдруг своей машины не увижу?

Но вот она! Летит! Вот по земле
Уже бежит. И я ее встречаю,
И пять пробоин в дорогом крыле —
Пять свежих ран с тревогой отмечаю.

Как я горжусь машиной боевой!
Она опять прошла сквозь испытанья,
Она вернулась целой и живой
С опасного военного заданья.

И летчик пожимает руку мне,
Снимает шлем и теплые перчатки.
Он вел огонь и сам он был в огне.
Он принял бой, и было «все в порядке».

Неискушенным людям не понять,
Как просто простое это слово,
Но каждый техник за него обнять
Готов товарища и друга боевого.

В нем — высшая простая похвала
И просто уваженье боевое,
И пулемет, и верных два крыла,
Готовые опять к ночному бою.

,,ВСЕ В ПОРЯДКЕ“

(Рассказ авиатехника)

Я родился в станице, на Дону,
У теплых скирд накошенного хлеба,
И с детства полюбил я вышину:
Родного и безоблачного неба.

Я жил и рос, как все в моих летах —
Я голубей гонял, следя за их полетом,
Но с каждым днем все ближе был в мечтах
К стремительным военным самолетам.

Нет, не манил меня великий перелет,
И не завидовал я летчикам-героям,
Я все хотел потрогать самолет
И посмотреть, как он внутри устроен.

Я в восемнадцать лет покинул дом.
Всплакнула мать и проводила сына.
И стал мне домом мой аэродром,
Дороже всех — любимая машина.

Она испытана. И не в одном бою.
Она проверена. И не в одном сраженьи.

Она летит — я сразу узнаю
Ее по одному ее движенью.
И если возвращается звено,
Знакомый гул я слышу ближе, ближе...
И думаю: а вдруг не суждено?
А вдруг своей машины не увижу?

Но вот она! Летит! Вот по земле
Уже бежит. И я ее встречаю,
И пять пробоин в дорогом крыле —
Пять свежих ран с тревогой отмечаю.

Как я горжусь машиной боевой!
Она опять прошла сквозь испытанья,
Она вернулась целой и живой
С опасного военного заданья.

И летчик пожимает руку мне,
Снимает шлем и теплые перчатки.
Он вел огонь и сам он был в огне.
Он принял бой, и было «все в порядке».

Неискущенным людям не понять,
Как дорогое простое это слово,
Но каждый техник за него обнять
Готов товарища и друга боевого.

В нем — высшая простая похвала
И просто уваженье боевое,
И пулемет, и верных два крыла,
Готовые опять к ночному бою.

ЗЕНИТЧИКИ

Слышен рокот
Самолета.
В нашем небе
Бродит кто-то
На огромной
Высоте,
В облаках
И в темноте.
Но безлунными
Ночами,
От зари и до зари,
Небо щупают лучами
Боевые фонари.
Тяжело лететь
Пилоту —
Луч мешает самолету,
А с земли
Навстречу гулу.
Поднимают пушки дула.
Если враг —
Он будет сбит!
Если друг —
Пускай летит!

ПРИЕЗД ГЕРОЯ

Сегодня в доме весело,
Сегодня — пир горой.
Из Действующей армии
Приехал сын-герой.

Коней колхозных выслали
На станцию с утра,
И юн сошел с почтового
Под громкое: «Ура!»

И обнял он родителей,
Мамашу и отца,
И сам начальник станции
Слезу смахнул с лица.

И тронулись, поехали
Со станции в колхоз.
Он узнавал окрестности,
Где он мальчишкой рос.

Березовая рощица,
За ней сосновый лес,
А вот налево — пасека,
Направо — МТС.

Остановились лошади,
Он вышел из саней,
И все кругом захлопали
Все громче, все сильней.

Заслуженному летчику
В кожанке фронтовой,
За подвиги геройские,
За орден боевой.

И он сказал: «Товарищи,
Я вас благодарю!
Я вам красноармейское
Спасибо говорю!

Три года, как покинул я
Свой дом и свой колхоз
И стал военным летчиком,
Ведущим бомбовоз.

Для родины, для Сталина
Не жаль мне ничего!»
И все опять захлопали,
Приветствуя его.

И сквозь толпу народную
Пройдя с большим трудом,
Вошел он в дом родительский —
Простой крестьянский дом.

Вошел, и в светлой горнице
Вдруг стало днем темно —
Все будущие летчики
Явились под окно.

ФРОНТОВИК ДОМОЙ ПРИЕХАЛ

Фронтовик домой приехал. С фронта. В от-
пук. На семь дней.
Он давно уже не видел ни жены и ни детей.
Он все время был на фронте и от смерти в
двух шагах
Жил в землянках и в окопах, и в холодных
блиндажах.

Фронтовик домой приехал. Снял шинель и
сапоги,
Потемневшую портянку снял с напотанной
ноги,
Лег в кровать под одеяло, в доме теплом и
родном,
И уснул коротким, чутким, фронтовым, тре-
вожным сном.

И ему приснилось ночью, что на поле боя он,
Что опять во фланг румынам вышел третий
батальон,

И опять его винтовка — неразлучный автомат
Бьет по выцветшим шинелям наступающих
солдат.

Человеку бой приснился, и проснулся он
в поту.

Ничего не понимая, он взгляделся в темноту
И, увидев очертанья шкафа, стула и стола,
Вспомнил дальнюю дорогу, что до дома до-
вела,

Вспомнил встречи фронтовые, боевых своих
друзей.

Молодых артиллеристов с дальнобойных
батарей,
Вспомнил песню про Каховку, вспомнил ночи
у Днепра...
И с открытыми глазами провался до утра.

ШПИОН

Он, как хозяин, в дом входил,
Садился, где хотел,
Он вместе с нами ел и пил
И наши песни пел.

И нашим девушкам дарил
Улыбку и цветы,
И он со всеми говорил,
Как старый друг, на «ты»:
«Прочти. Поведай. Расскажи.
Возьми меня с собой.
Дай посмотреть на чертежи.
Мечты свои открой».

Он рядом с нами ночевал,
И он, как вор, скрывал,
Что наши ящики вскрывал
И снова закрывал.

И в наши шахты в тот же год
Брызгалась вдруг вода,
Горел химический завод,
Горели провода.

А он терялся и дрожал
И на пожар бежал,
И рядом с нами он стоял
И шланг в руках держал.

Но мы расставили посты,
Нашли за следом след.
И мы спросили:
«Это ты?»
И мы сказали:
«Это ты!»
И он ответил: «Нет!»

«Гляди, и здесь твои следы, —
Сказали мы тогда. —
Ты умертвить хотел сады,
Пески оставить без воды,
Без хлеба — города!

Ты в нашу честную семью
Прополз гадюкой злой,
Ты предал родину свою.
Мы видим ненависть твою,
Фашистский облик твой!

Ты занимался грабежом, —
Тебе ценой любой
Твои друзья за рубежом
Платили за разбой.
Ты будешь стерт с лица земли,
Чтоб мы спокойно жить могли!»

ТРИ ТОВАРИЩА

Жили три друга-товарища
В маленьком городе Эн.
Были три друга-товарища
Взяты фашистами в плен.
Стали допрашивать первого,
Долго пытали его, —
Умер товарищ замученный
И не сказал ничего.
Стали второго допрашивать,
Пыток не вынес второй, —
Умер, ни слова не вымолвив,
Как настоящий герой.
Третий товарищ не вытерпел,
Третий — язык развязал:
«Не о чем нам разговаривать!» —
Он перед смертью сказал.
Их закопали за городом,
Возле разрушенных стен.
Вот как погибли товарищи
В маленьком городе Эн.

БРАТЬЯ

Они пришли в военкомат
И обратились к военкому:
— В такие дни
Ни я, ни брат
Не можем оставаться дома.

Скорей на фронт пошлите нас,
Туда, вперед, поближе к бою.
Мы выполним любой приказ,
Заданье выполним любое.

Я в школе первым был стрелком
И дальше всех бросал гранату.
Скорей, товарищ военком,
Винтовки дайте мне и брату...

Они стояли у стола,
Малы, вихрасты, но суровы.
К боям, на славные дела,
На смерть геройскую готовы.

ГРАНИЦА

В глухую ночь,
В холодный мрак
Посланцем белых банд
Переходил границу враг —
Шпион и диверсант.

Он полз ужом на животе,
Он раздвигал кусты,
Он шел наощупь в темноте
И обошел посты.

По свежевыпавшей росе,
Некошеной травой
Он вышел утром на шоссе
Тропинкой полевой.

И в тот же самый ранний час
Из ближнего села
Учиться в школу, в пятый класс,
Друзей ватага шла.

Шли десять мальчиков гуськом
По утренней росе,
И каждый был учеником
И ворошиловским стрелком,
И жили рядом все.

Они спешили на урок,
Но тут случилось так:
На перекрестке двух дорог
Им повстречался враг.

— Я сбился, кажется, с пути
И не туда свернул! —
Никто из наших десяти
И глазом не моргнул.

— Я вам дорогу покажу! —
Сказал тогда один.
Другой сказал: — Я провожу.
Пойдемте, гражданин.

Сидит начальник молодой,
Стоит в дверях конвой,
И человек стоит чужой, —
Мы знаем, кто такой.

Есть в пограничной полосе
Неписаный закон:
Мы знаем все, мы знаем всех,
Кто я, кто ты, кто он.

ДВЕ ПОСЫЛКИ

1

НЕМЕЦКАЯ

Эта лента голубая —
Снята с девичьих волос,
Эта лента голубая
С украинских черных кос.

Эта вышивка — с кровати,
Этот перстень — снят с руки
Черной ночью, в мирной хате,
В деревушке у реки.

Из больницы — бумагея,
Занавески — со стены
Подожженного музея
Древнерусской старины.

Эти две витые ручки
Были сорваны с дверей —

Трех солдат к любимой внучке
Не пускал старик еврей.

Побурели пятна крови
На платочек пуховом;
Это — добыто в Ростове,
Это — взято под Орлом.

Все зашито в парусину
И сдано на почту в срок.
Путь посылки до Берлина
И опасен и далек.

Фридрихштрассе, 48,
Получить: Матильде Шмитт.
Отправитель: Генрих Шлоссе.
Был здоров. Теперь убит.

2

СОВЕТСКАЯ

Меховые рукавицы,
Чтоб не спрашен был мороз.
Чтоб с друзьями поделиться —
Десять пачек папирос.

Чтобы тело чистым было
После долгого пути,

Два куска простого мыла —
Лучше мыла не найти!

Земляничного варенья
Своего приготовленья —
Наварили мы его,
Будто знали для кого!

Две нательные фуфайки,
На портянки серой байки,
Чтоб ногам стоять в тепле
На снегу и на земле.

Два мохнатых полотенца,
Чтобы в смену их стирать,
После боя, после немца,
Сухо руки вытираТЬ!

Все, что нужно для бритья.
Если бритва есть своя,
Было б время да вода —
Будешь выбритым всегда.

Нитки, ножницы, иголка.
Если что-нибудь порвешь,
Сядешь где-нибудь под елкой
И спокойно все зашьешь.

Острый ножик перочинный —
Колбасу и сало режь!

Банка каши со свининой —
Открывай ее и ешь!

Все завязано, зашито,
Крышка к ящику прибита —
Дело близится к концу.
Отправляется посылка,
Очень важная посылка,
Пионерская посылка
Неизвестному бойцу!

ПОЧЕТНЫЙ ПАССАЖИР

В армейской шинели,
В армейской ушанке,
Вагона он ждет
На трамвайной стоянке.

Он входит с передней
Площадки трамвая,
На правую ногу
Немного хромая.

Таких пассажиров
В трамвае не много,
И люди ему
Уступают дорогу.

Таким пассажирам
В таком положеньи
Повсюду — вниманье,
Везде — уваженье!

Сидит он в вагоне
На лучшем из мест,
Кондуктор с него
Не берет за проезд.

Он орден имеет
Под серой шинелью,
Он ранен под Клином
Немецкой шрапнелью.

Бесстрашный участник
Большого сраженья,
Он вывел товарищей
Из окруженья.

Боец-пулеметчик
Стрелкового взвода,
Большое спасибо
Тебе от народа!

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЧЕЛОВЕК

Крест-накрест синие полоски
На окнах съежившихся хат.
Родные тонкие березки
Тревожно смотрят на закат.

И юноша в одежде рваной,
В петле, на высохшей сосне,
И чей-то грубый, иностранный,
Не русский говор в тишине...

И пес на теплом пепелище,
До глаз испачканный в золе.
Он целый день кого-то ищет
И не находит на селе.

В холодном, драном зипунишке
По огородам, без дорог
Бежит, торопится парнишка
По солнцу, прямо, на восток.

Никто в далекую дорогу
Его теплее не одел,
Никто не обнял у порога
И вслед ему не поглядел.

Мать? Но она была убита.
Сестра? Она была мертвa,
Телами мертвыми накрыта
На дне чудовищного рва.

Соседи? Их осталось мало.
Их с каждой ночью, с каждым днем
Все убывало, убывало...
Они не думали о нем.

В нетопленной, разбитой бане
Ночь скоротавший, как зверек,
Как долго он своим дыханьем
Озябших рук согреть не мог!

С рассветом обходя селенья
И полицейские посты,
Ища от Гитлера спасенья,
Ложась и прячась за кусты,

Все видевший, на все готовый,
По грудь проваливаясь в снег,
Бежал к своим русоголовый
Десятилетний человек.

Он знал, что где-то недалече,
Быть может, вон за той горой,
Его, как друга, в темный вечер
Задержит русский часовой.

И по щеке его ни разу
Не проложила путь слеза:
Должно быть, слишком много сразу
Увидели его глаза

За эти месяцы страдания,
Которые равны годам...

*

Но ты, фашистская Германия,
За все сполна ответишь нам!

Детоубийцы и растлители,
Вам ничего не скрыть вовек!
Он будет первым обвинителем —
Десятилетний человек!

В ТОМ КРАЮ, ГДЕ ТЫ ЖИВЕШЬ¹

(Нашии детяи)

Летней ночью, на рассвете,
Когда мирно спали дети,
Гитлер дал войскам приказ
И послал солдат немецких
Против всех людей советских, —
Это значит — против нас.

Хочет он людей свободных
Превратить в рабов голодных,
А борцов, поднявших меч,
На колени не упавших
И служить ему не ставших, —
Расстрелять, повесить, сжечь!

¹ Листовки в этими стихами сбрасывались с самолета советским детям, живущим в районах, временно захваченных немцами.

Чтобы мы роптать не смели,
Умирали и болели
От нужды и нищеты,
Чтобы только по-немецки
Даже дома, по-немецки ,
Говорили я и ты.

Красный галстук не носили,
Хлеб на улицах просили
У окон и у дверей,
Чтобы мы узнали горе,
Чтобы не было у моря
Пионерских лагерей.

Чтобы жили мы не в доме,
А в сарае на соломе,
Без воды и без огня.
Чтобы в детские больницы
Не пускали нас лечиться —
Ни тебя и ни меня!

Чтоб зимой морозом лютым
Мальчик Ваня был разутым —
На снегу замерзнуть мог,
Чтобы все досталось Фрицу:
Шуба, шапка, рукавицы,
Ванин валеный сапог.

Гитлер хочет, чтобы в классы
Допускались на урок

Только дети «высшей расы»,
Остальные — за порог.

Могут грамоте учиться
Максы, Морицы и Фрицы:
Сын фашиста, сын убийцы,
Сын строителя тюрьмы.
Остальные — это дети:
Вани, Саши, Маши, Пети.
Остальные — это мы.

Все, что дружно мы хранили
И в музеях берегли,
Гитлер хочет, чтоб разбили,
Растоптали и сожгли.

Чтобы Пушкина забыли,
Не читали, не любили,
Не слыхали про него.
Чтобы было все для немцев,
Для фашистов-иноzemцев,
А для русских и для прочих —
Для крестьян и для рабочих
Ничего!

Мы живем в стране советской,
Признаем язык немецкий,
Итальянский и турецкий,
И японский признаем,

Датский, шведский и французский,
Но в родном kraю по-русски
Пишем, думаем, поем. ,

И от моря и до моря
Поднялись большевики,
И от моря и до моря
Встали русские полки,
И от моря и до моря
Люди подняли штыки,
И от моря и до моря
Взмыли в небо «ястребки».

И сказал народу Сталин:
— В грозный час за мной, друзья! —
И от немцев люди стали
Очищать свои края.

Все, что вечно было нашим,
Мы назад себе вернем.
Мы опять поля запашем
И засеем их зерном.

Мы вернем себе назад
Каждый дом и каждый сад,
Каждый кустик на дороге,
Над которым выл снаряд.

Мы с тобой починим парты
И покрасим в новый цвет,

Склейм порванные карты,
Склейм Пушкина портрет.

Мы побелим стены в хате
И проветрим города.
Все вернет, за все заплатит
Побежденная орда —

За родные пепелища —
Наши бывшие жилища,
За расстрелянный народ,
За повешенную Нину
И сгоревшую Марину,
И за сотни жизней детских,
За судьбу детей советских,
Многих маленьких сирот.

Будут снова жить в Артеке
Наши старые друзья —
Украинцы и узбеки,
Ты с Днепра, с Урала — я.

Будут на море купаться,
Бить футбольные мячи,
Поправляться ленинградцы,
Закаляться москвичи.

И, шагая дружно в ногу,
Вместе вспомним мы с тобой

С отвращеньем про «тревогу»
И с улыбкой про «отбой»,

И о том, что затемненья
В нашем доме больше нет,
И что только для леченья
Нужен людям синий свет,

Как мы жили, как дружили,
Как пожары мы тушили,
Как у нашего крыльца
Молоком парным поили
Поседевшего от пыли,
Утомленного бойца.

Мы с тобой о партизане
Сами песню сочиним.
Перед памятником «Тани»
Мы с тобою молча встанем,
Шапки снимем. Постоим.

*

Кто сегодня не известен,
Но бесстрашен, смел и честен,
Тот, кто любит свой народ,
Кто хоть что-то делать может,
Тот стране своей поможет
В том краю, где он живет —

Партизан в селе скрывая,
Пить и есть бойцам давая,
В поле провод обрывая,
Чтоб не вел к чужим войскам,
Потому что это счастье —
Помогать советской власти,
Помогать большевикам.

ПАРТИЗАНЫ¹

За лесами, за садами,
За колхозными прудами
Жил в селе на сто дворов,
Из того же места родом,
Уважаемый народом
Молодой Ефим Бобров,
Сын простого кузнеца,
Сам кузнец — и весь в отца.

Он хоть был годами молод,
В руки взял отцовский молот,
Начал угли раздувать,
На селе коней ковать...

Время шло. Коней ковали,
Иногда в Москве бывали,
Жил в довольствии колхоз,

¹ Листовки с этими стихами сбрасывались с самолета советским партизанам, действующим в тылу фашистско-немецких оккупантов.

На глазах у граждан рос.
Все-то есть. Во всем достаток:
Сто семнадцать свиноматок,
Огородов триста га.
А посевы! А луга!
В сенокос трава по пояс.
Можно жить, не беспокоясь:
Есть хлеба и есть корма —
Заворачивай, зима!

Так и жили дни за днями.
От района дали знамя.
Дескать, вы теперь в почете.
Дескать, видно по работе —
Всем другим в пример она.
Простояло знамя это
В помещены сельсовета
Всю весну. И вдруг... война!

То гудит не ветер грозный —
Человек встает колхозный
Защищать свою страну,
Край любимый, край богатый,
Лес, поля, родные хаты,
Ребятишек и жену.

Лютый враг нагрянул вором
С пулеметным разговором,
С черной бомбой и с ножом,

И с поджогом-грабежом.
И в колхозе «Власть Советов»
Как услышали про это,
Все явились в сельсовет:
«Есть повестки или нет?»

Вот расселись по подводам
И прощаются с народом
Земляки-призывающие.
К ним подходят старики:
— Дескать, мы в боях бывали,
Было дело — воевали,
Били немца в грудь и в зад
Двадцать пять годов назад.

Паренек развел гармошку:
В путь — далекую дорожку
Провожают. Ничего!
На войне не без того!
Девки плачут и смеются:
— Не забудьте к нам вернуться!
— Вы не плачьте. Ничего!
На войне не без того!

Был бы жив кузнец Данила
(Если б это раньше было),
Он бы тоже провожал,
Речь на площади держал.
Он сказал бы: «Вот, ребята,

Руки старого солдата!
Пригодятся. Ничего!
На войне не без того!»

Вот и тронулись подводы
Вдоль садов и огорода,
Мимо отчего крыльца.
Речка, кузни... Мимо, мимо...
Не призвали лишь Ефима —
Молодого кузнца.

Ростом крепок и здоров
Был кузнец Ефим Бобров,
Но еще не вышел годом.
И, стыдясь перед народом,
Он остался у плетня,
Стал доковывать коня.
И, вбивая гвоздь в подкову,
Он сказал: «Неужто мне,
Мне, колхознику Боброву,
Нету места на войне?»

За полями, за садами,
За ручьями и прудами,
По лесам, в краю болот
Днем и ночью бой идет.
То не молния сверкает
И деревья рассекает —
То снаряд шестидюймовый
Рассекает ствол сосновый.

То не ветер листья рвет,
А станковый пулемет.

Жаркий бой. С врагами схватка.
Всем приходится не сладко.
Немец кровь рекою льет.
Офицер пощады просит,
Но боец приклад заносит
И врага наотмашь бьет.

Сторона вокруг лесная.
Кто идет, тропы не зная,
Тот в краю лесных болот
Междур кочек пропадет.
Бурелом повсюду, ельник,
Да столетний можжевельник,
Да могучие стволы
Со слезинками смолы.

Только тот, кто с малолетства
Жил от леса по соседству,
В том лесу и лыко драл
И малину собирая, —
Только тот заходит в чащи,
Как хозяин настоящий,
Как вошел Ефим Бобров —
Партизан вооруженный
И друзьями окруженный,
В темной зелени шатров.

Был бы жив Бобров Данила,
Он сказал бы: «Наша сила!
Наша правда! Наша власть!
Бьет сегодня наша масть!
Нас не сломишь — мы упрямые.
Ройте, люди, волчьи ямы!
Ставь капканы на пути,
Где задумал враг пройти!
Чтоб ему в тисках кататься,
Чтобы некуда податься,
Бей врага из-за угла,
И в селе и у села.
Бей врага в лицо и в спину,
Нет ружья — возьми дубину!
Чтоб навек запомнил гад
Партизанский наш отряд!»

Так сказал бы дед Данила
(Если б это раньше было).
Так сказал орлам своим
Партизан Бобров Ефим,
Сын простого кузнеца,
Сам кузнец — и весь в отца.

*

З чистом поле, по дубравам,
Под огнем в бою кровавом,
Много немцев полегло...
Ночь прошла. На поле боя

Смотрит небо голубое,
И безмолвно за рекою
Украинское село.
Немцы заняли его.
На войне не без того...

Все вокруг села дымится.
Рожь, ячмень, овес, пшеница —
Хлеб горит четыре дня,
Затушить нельзя огня.
Из колхозного колодца
Пить фашистам не придется:
Из него ушла вода
И неведомо куда.
Хоть бы пес с цепи сорвался,
Хоть бы кто-то отозвался,
Хоть бы выстрелил в окошко,
Хоть бы выбежала кошка.
Немцы заняли село,
А живое все ушло.

В помещенный сельсовета
Ни плаката, ни портрета,
Ветер белую золу
Раздувает на полу...
Был зажиточным колхоз —
На конях добро увез.
Немцу брюхо подвело —
Худо встретило село.

А к тому же нет покоя —
То одно, а то другое:
Здесь разбили весь обоз,
Там убили генерала,
Там напали на капрала,
Еле ноги тот унес.
Мост взорвали. Штаб сожгли...
А виновных не нашли...
Рельсы ночью развели,
А виновных не нашли...
Только битые вагоны,
Обгоревшие патроны
Да немецкий паровоз
Без поршней и без колес.

Гнали немцы три цистерны.
Танки ждали их, наверно,
Без горючего не шли.
Только дело вышло скверно:
В часть не прибыли цистерны,
А виновных не нашли.

Посылают в штаб связиста
Ганса Крафт — мотоциклиста.
С ним секретнейший пакет.
Утром должен быть ответ...

Ждут напрасно. Под ракитой
Немец Крафт лежит убитый,
Рядом с ним мотоциклет,
А пакета в сумке нет.

Труп в деревню привезли,
А виновных не нашли...

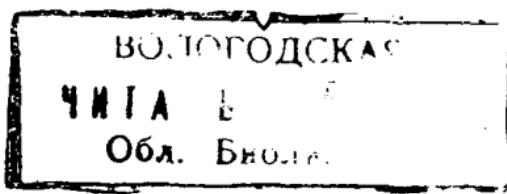
*

Украина золотая!
Белоруссия родная!
Вы в своих лесах дремучих
Укрывайте самых лучших
Сыновей и дочерей —
Верных Родине любимой,
Вроде нашего Ефима,
Партизан-богатырей!
И победы час настанет:
Немец ляжет и не встанет,
И войне конец придет.
И народ земли советской
Черный прах орды немецкой
По дорогам разметет!

Август 1941 г.
Действующая армия
Южный фронт.

СОДЕРЖАНИЕ

На Южном фронте	3
Мы стали крепче	5
Сталин	6
Письмо жене	7
Красноармеец Петров	9
Маруся	12
Разговор с майором	15
Связист	17
Советские бомбардировщики	19
Орлы	22
Истребитель	24
«Все в порядке»	26
Зенитчики	28
Приезд героя	29
Фронтовик домой приехал	31
Шпион	33
Три товарища	35
Братья	36
Граница	37
Две посылки	39
Почетный пассажир	43
Десятилетний человек	45
В том краю, где ты живешь	48
Партизаны	55

п. 53 г.

56

1 p. 25 к.

Л

Л

Л

Л

Л